

РОЛЬ КАНОНИЧЕСКОГО ЖАНРА ИДИЛЛИИ В ВЫСОКОМ БИДЕРМЕЙЕРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6
Московский государственный лингвистический университет,
Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38, с. 1
Поступила в редакцию 10.09.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-13

На материале лирики Аннетте Дросте-Хюльсхофф и Эдуарда Мёрике изучен высокий бидермейер в его сближении с жанром идиллии. Бидермейер, который считали эпохой, направлением, стилем, в его разновидности «высокий бидермейер» на старте можно трактовать и принципиально по-новому — как необычный виток в судьбе жанра идиллии и идиллического модуса. Цель статьи состоит в изучении идиллии как одного из истоков высокого бидермейера. Эта проблема ставится впервые. Методы исследования — структурно-описательный и историко-типологический. Явление бидермейера разнолико, и описываемый характер присущ только высокому бидермейеру. В каноническом жанре немецкой идиллии, который распространил свое влияние и на другие жанры, в том числе прозаические, писатели увидели ряд возможностей бидермейера. Начав по-своему развивать идиллию, они уводят созданную ими разновидность жанра из романтического русла. Один из истоков высокого бидермейера — это, по всей вероятности, активное поведение канонического жанра идиллии, его инерция, разрастание, диффузия с другими жанрами и облучающее влияние на лирические, эпические и драматические жанры.

Ключевые слова: высокий бидермейер, идиллия, поэт-бидермейерист, Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф, Эдуард Мёрике

1. Введение

Творчество Аннетте Дросте-Хюльсхофф (*фрау Бидермейер*, по меткому выражению К. Кальтхофф-Птикар (Kalthoff-Ptikar 1988, S. 15)) и Эдуарда Мёрике относят к высокому бидермейеру¹. Их сентиментально-нежная лирика с мотивами природы, душевных переживаний любящего человека, буколической трактовкой деревни и проза с идиллическими хронотопом и локусами представляют собой образцы бидермейера. Для удобства предлагаю называть представителей этого направления бидермейеристами, а под понятием «бидермейеризм» понимать принадлежность к бидермейеру или окрашенность творчества и личности автора эстетикой бидермейера.

Аннетте Дросте-Хюльсхофф (1797—1848) в своем поэтическом и прозаическом творчестве противопоставляла растущему промышлен-

© Зейферт Е. И., 2025

¹ Придерживаюсь нормы написания «бидермейер», более близкой к русской традиции написания и звучания имен типа «Гейне».



ному городу идиллию дворянского поместья, лиризовала безмятежное пребывание за городом. Лирическая героиня близка поэтессе, чуждающейся города с его светской суетой. Феномен Дросте-Хюльсхофф интересен и тем, что ее поэзия пережила влияние романтизма, а проза — постромантизма. Возможно, именно бидермейер оцельняет ее разнородное творчество. Идиллия очень активна в творчестве немецкой поэтессы — достаточно упомянуть лирический цикл «Картины пустоши» (Heidebilder) и др.

Эдуард Мёрике (1804—1875) в 1846 году опубликовал книгу «Идиллия Боденского озера, или Рыбак Мартин и похитители колокола» в 7 песнях (Mörike 1846), которая представляет собой «малый эпос» с преобладанием в нем идиллического модуса художественности и идиллических мотивов. Поэт писал книгу, уединившись в своем доме недалеко от Вюрцбурга в Баден-Вюртемберге. В ней сконцентрировались его лирические и эпические устремления к безмятежности, душевному уюту, отрешенности от суеты. В.Б. Микушевич утверждал, что, испугавшись безумия Гёльдерлина (состоялась личная встреча поэтов), Мёрике «тянется к его поэтическому дару и бежит от его судьбы, бежит в предшествующую эпоху, когда Руссо открыл для себя и для интеллектуальной Европы природу»².

И Дросте-Хюльсхофф, и Мёрике — страстные ценители фольклора, что добавляет глубины в их интерес к идиллии. «Дросте собирала сказки и предания для братьев Гримм и внесла свой вклад в составленный Уландом “Сборник народных песен”», примером для Мёрике «служили Гёте и античная поэзия, народность, как говорится, была у него в крови» (История немецкой литературы 1986, с. 140, 144).

Возникнув в поэзии Дросте-Хюльсхофф и Мёрике, бидермейер распространяется и на их прозу. Сразу обратим внимание, что в творчестве обоих авторов представлен чистый, кристальный, идиллический бидермейер, который называют «высоким» (Л.Н. Полубояринова). Другие варианты названия: «облагороженный» бидермейер (geadeltes Biedermeier) (О. Вальцель) или «поэтический» бидермейер (poetisches Biedermeier) (Й. Барк). Стоит заметить, что отдельных ученых словно обижает отнесение Дросте-Хюльсхофф и Мёрике к бидермейеру. В авторитетной работе по истории немецкой литературы читаем: «Долгое время взгляд на поэта Эдуарда Мёрике оставался ошибочным: о нем утвердилось мнение как о певце патриархальной идиллии; считалось, что его стилизованные стихи далеки от настоящей, истинной поэзии» (Там же, с. 143). Ошибочность здесь относится ко второму утверждению: стихи Мёрике оригинальные, а не стилизованные, благодаря его дару они отличаются органичностью и естеством. В переосмыслении скорее нуждается отношение к высокому бидермейеру (признание его интересным и полнокровным литературным явлением), а не принадлежность к нему Мёрике.

Идиллия Мёрике монографически исследована в диссертации швейцарской исследовательницы К. Мейер-Гуйер почти полвека назад

² Микушевич В.Б. Мёрике и Гёльдерлин. Из архива В.Б. Микушевича.



(Meyer-Guyer 1977). Однако в этой обстоятельной работе, как и в других немецких исследованиях творчества Мёрике и Дросте-Хюльсхофф, не ставится вопрос о сильном формирующем влиянии идиллии на бидермейер на его старте. Немецкие ученые, последовательно обращавшиеся к сочинениям обоих авторов, поднимают важные вопросы о роли античных истоков жанра, фольклорных корнях лирики (особенно в случае с Мёрике), политических и социальных предпосылках развития литературного процесса, соотношении эпических и драматических элементов в идиллической поэзии изучаемых авторов (Neubuhr 1974; Böschenstein-Schäfer 1977, S. 124 – 126; Jansen 1982).

Х. Й. Шюлер в монографии «Немецкий стихотворный эпос XIX – XX веков» говорит о превращении лирической идиллии Мёрике в малый эпос. Признаки эпоса ученый обнаруживает и в идиллии Дросте-Хюльсхофф. Дорога к идиллическому уединенному бытию (которой шли и другие авторы сентиментальных малых эпосов (“sentimental little pseudoepics”), однако они двигались к отступлению) у Мёрике ведет не от реальности жизни, а в сферу ограниченного уютом и бытом мира, где вечные ценности и истины выступают всё более ясно и четко (Schueler 1967, p. 37). В «Идиллии Боденского озера» автор постоянно возвращается к главной заботе — повествованию о жизни в ее элементарных и вечных аспектах. Радость и страдание, желания и надежды мужчин и женщин, любовь и ненависть — вот нити, которые связывают здесь идиллию как «маленькую картину» мира. Немецкий поэт достигает перспективы тотальности и универсальности в своем малом мире. Природа — еще один вездесущий элемент, который усиливает универсальные свойства созданного Мёрике малого мира. Природа везде вплетена в повествование, она становится неотъемлемой частью людей, их дел и надежд.

Учеными проанализированы и отдельные идиллии Мёрике. Так, Х. Й. Шнайдер, обстоятельно изучая «Лесную идиллию» (“Wald-Idylle”), обращает внимание на взаимопроникновение в ней сказки и идиллии: «Тезис состоит в том, что Мёрике представляет две разнородные традиции сказки и идиллии (или буколики), которые также представляют противоположные традиции в эстетике с 1750 года — классический немецкий стих эпохи Просвещения против натурпоэзии, литературный стих против устного творчества, в перспективе романтическое и постромантическое сливаются»³. Шнайдер замечает общее развитие творчества Мёрике от романтически-лирического к повествовательно-описательному. «Лесная идиллия» демонстрирует этот поворот. Стремление к идиллической жизни нереально, сказочно, неисполнимо вне сказочного мира. Начало стихотворения, изображающее поэта в уединенном лесном местечке весной перед раскрытой книгой сказок, включает тему буколического *locus amoenus*. Повествовательное вплетает

³ “Die These lautet, daß Mörike die beiden heterogenen Gattungstraditionen von Märchen und Idylle (bzw. Bukolik), die auch gegensätzlichen Positionen der Ästhetik seit 1750 repräsentieren — klassisch-deutsche Bildungsversus Naturdichtung, literarische versus mündliche Überlieferung — in der Perspektive eines romantisch-postromantisch Dichters zusammenführt” (Schneider 2004, S. 222).



ется не только в сказку, но и через нее в идиллию, происходит слияние внешнего и внутреннего миров. Мёрике обращается к классической буколке, которая через природное плодородие всегда прославляет только искусство (Schneider 2004, p. 238).

М. Майер отмечает, что общественность заметила достижения Мёрике в жанре идиллии (Mayer 2004, S. 239). Наследный принц Карл за «Идиллию Боденского озера» подарил поэту перстень с бриллиантом. Признание пришло от Л. Уланда и В. Гримма. Благосклонна была и критика. Но книга вызвала трудности понимания, что заметно по откликам А. Штара, Г. Майнкса, Б. Майер. Это обусловлено особой оптикой идиллии Мёрике, который разрушает идиллию. Красота бука и райского места таится в их отдаленности. «Идиллия Боденского озера» говорит о биографическом счастье автора, однако является семантически пограничным текстом: берег озера — граница между жизнью и смертью. По своему духу произведение имеет гибридный характер, находясь между греческой традицией и идиллической традицией Иоганна Петера Гебеля. Это не чистая идиллия, а скорее неустойчивый баланс идиллии и обмана, юмора и сарказма. Идиллия группируется здесь вокруг двойственной фабулы произведения, между язычески-ложным и христиански-истинным прочтением (Ibid., S. 254)⁴.

Творчество Дросте-Хюльсхофф изучено отечественными литературоведами в аспекте бидермейера (Иванова 2008), в этом контексте исследован и предметный мир Мёрике (Иванова, Майер 2013). Высокий бидермейер изучен и на материале Й. В. фон Шеффеля (Иванова 2009).

Интересно рассмотреть соотношение жанра идиллии и высокого бидермейера в связи с его особым интересом к идиллии. Автора статьи интересует старт высокого бидермейера, сильно облученный жанром идиллии.

2. Специфика бидермейера. Постановка цели

Г. Политцер, изучая творчество Ф. Грильпарцера, относит его к «ужасному бидермейеру» (abgründige Biedermeier) (Politzer 1972). Исследователи говорят об амбивалентности интенций бидермейера (Полубояринова и др., 2016). Высокий бидермейер как извод этого направления отличается от многогранного и разноликого бидермейера в целом («тривиального», «ужасного» и др.). Мы в настоящем исследовании сосредоточимся на высоком бидермейере. «В отличие от произведений “тривиального бидермейера” в творчестве писателей, представляющих

⁴ Немецкие ученые обращают пристальное внимание на наличие эпических элементов в идиллии Мёрике, идущих от сказки и имеющей античные корни «двойной фабулы» идиллии (Schneider 2004; Schueler 1967). Однако об элегических идиллиях представителей бидермейера исследований не обнаружено, хотя эмпирический обзор материала об этом взаимопроникновении свидетельствует. И Х. И. Шнайдер отмечает элегический дистих (а не гекзаметр) «Лесной идиллии» (Schneider 2004, S. 221). Интересно в перспективе проанализировать диффузию идиллии и элегии бидермейера.



“высокий” бидермейер, значительное место занимает религия, искусство, а проблемы частной жизни показаны с большей глубиной и обстоятельностью» (Иванова 2009, с. 55).

Явление, обозначенное термином «бидермейер», изучается в литературоведении (Полубояринова 2001), искусствоведении (Geismeyer 1990; Тарасов 1990), музыковедении (Романова 2011). Из-за сложности определения бидермейер либо замалчивался, либо по-разному интерпретировался. Изначально он возникает в поэзии и только потом переходит в прозу. Бидермейер проявляется в отдельных видах искусства после окончания Наполеоновских войн до революционных событий во Франции, Италии, Германии и других странах Европы в 1848—1849 годах. Географический охват — Германия и Австрия, виды искусства — литература, живопись и музыка.

Цель настоящей статьи состоит в уточнении одного из истоков высокого бидермейера с помощью структурно-описательного и историко-типологического методов.

Термин «бидермейер» возник под занавес истории обозначающего его явления. Немецкое слово *bieder* переводится «простодушный», «честный», «непринужденный», «порядочный», «обывательский». В 1848 году немецкий поэт Й. В. фон Шеффель опубликовал два стихотворения «Вечернее уютное времяпрепровождение бидерманна» и «Сетования праздного Майера», а в 1850 году другой немецкий поэт Л. Айхродт из двух слов составил псевдоним *Готлиб Бидермейер* для публикации наивных стихотворений. Это были пародии на любительские и нелепые стихи провинциального школьного учителя С. Заутера.

В 1846 году увидела свет вышеупомянутая книга Эдуарда Мёрике. Стихотворения в жанре идиллии характеризуются здесь яркими приметами идиллического жанрового канона (хронотоп безмятежности, гекзаметр, оптимистический финал лирического сюжета и др.). Для вспышки идиллии это очень поздно: в 1840-е годы, после лирического всплеска в «золотом веке», литературные журналы отказываются от рубрики «Поэзия». Однако, как видим, идиллия проявляет себя в корпусе текстов первостепенного поэта и, хотя и начинается через два года уходить под осмеяние пародии (Л. Айхродт), но задерживается у того же Мёрике (“*Im Weinberg*”, 1856).

Н. Я. Берковский называл бидермейер стилем, но не находил достаточных доказательств для этого («Бидермейер был одним из стилей быта и искусства, не допускающих пытливости, исследовательского отношения к тому, что они в себе содержат. Бидермейер во всем и повсюду требует скромности, он требует ее и от познания: не слишком вникайте и не слишком проникайте» (2001, с. 427)). А. В. Михайлов последовательно изучал бидермейер с 1970-х годов, опираясь на работы германских ученых (Михайлов 1989; 1997; 2001). Он не считал бидермейер стилем: «Ни романтизм, ни реализм не есть стиль; тем более не стиль — бидермайер, который даже представляет собой объединение различных художественных начал, при полнейшей пестроте стилистических решений...» (Михайлов 1997, с. 99). Исследователь предостерегал от



обозначения бидермейера как эпохи, указывая на промежуточный характер бидермейера (между романтизмом и реализмом) и в то же время универсальную принадлежность бидермейера ко всей немецкой культуре: «...в значительной мере этот период бидермайера определил весь характер немецкой культуры XIX в. — культуры, внешне, на поверхности, очень приспособленной к людям, их потребностям, очень удобной, уютной для них» (Михайлов 1983, с. 130). Понятие «бидермейер», по мнению ученого, «не обозначает какое-то цельное направление, но обозначает слой или пласт в немецкой культуре, пласт, к которому так или иначе причастно все немецкое искусство этого периода, не утрачивающее от этого своей разнородности и разнонаправленности» (Там же, с. 129). С мнением авторитетного ученого о промежуточном характере исследуемого явления можно поспорить: бидермейер, по всей очевидности, протекает синхронно романтизму (Дросте-Хюльсхофф, Мёрике) и затем даже постромантизму (Шеффель). Термин «бидермайер» А. В. Михайлов безоговорочно принимает, чтобы не говорить об эпохе «Молодой Германии» и не возвращаться к политизированному понятию «предмартовский период литературы» (Там же, с. 130). Он считает, что писатели Э. Мёрике и А. Штифтер, романтически настроенные художники Л. Рихтер и М. фон Швинд, композиторы Р. Шуман и Ф. Лист не могут рассматриваться «вне бидермайеровской перестройки романтической традиции, без всего этого смыслового пласта бидермайера, переосмысляющего функцию искусств, приближающего искусство к людям, но очень часто и заземляющего художественные идеалы, почти во все вносящего умиротворенность и черты идиллического самоуспокоения» (Там же).

Л. Н. Полубояринова, которая продолжительное время обстоятельно занимается бидермейером (1995; 2001; 2016), считает бидермейер «одним из течений реставрационной литературы» с особым стилем, отмечая при этом «бидермайеровскую полистилистику» (Березина 2005, с. 74). Ставится вопрос о русском (Иванова 2006) и в целом славянском бидермейере (Аникина 2016). По всей видимости, все же именно специфика германской картины мира (ключевой характер дома, уюта) вызвала к жизни бидермейер. Тем не менее вопрос о славянском бидермейере остается открытым и изучается.

Г. А. Лошакова, исследуя жанры и поэтику австрийского бидермейера в прозе, называет его течением («Предварительно мы обозначаем литературный бидермейер как течение, имея в виду также, что этот термин может быть использован для обозначения художественного стиля живописи или интерьера» (Лошакова 2014, с. 4; исправлена опечатка)) и причисляет к нему прозаиков А. Штифтера, Ч. Силсфилда (К. Постля), Й. Шрейфогеля, Ф. Хальма, М. Г. Зафира и др. Исследовательница выделяет три периода исследования немецкого бидермейера. На первом этапе его монографически изучали П. Клукхон, В. Битак, А. Беркхгут (Kluckhohn 1974; Bietak 1931; Berkhout 1942), на втором — Ф. Зенгле (Sengle 1980), считающий бидермейер эпохой. (Называть бидермейер эпохой или периодом развития немецкой литературы, на



наш взгляд, значит допускать неточность: эпоха с 1814 по 1848 – 1849 годы в Германии и Австрии разнолика.) Зенгле анализирует в ряду жанров и модальностей идиллию и идиллическое в бидермейере, не называя их истоком этого явления. Начало третьего этапа ознаменовано выходом сборника научных работ под редакцией М. Тицмана (Titzmann 2002).

Бидермейер называли смесью ампира с романтизмом, «сниженным ампиром», «псевдоромантизмом» (Г. Бёмер, Р. Леман, Л. Шротт), а сильных поэтов, причастных к этому явлению, относили к «высокому бидермейеру». Можно ли считать бидермейер вспышкой сентиментализма внутри романтизма и постромантизма, стремлением вернуться к сентиментализму? Особым стилем внутри романтизма и постромантизма? Художественным направлением (течением)? Уходит ли бидермейер вместе с романтизмом или прорастает в постромантической эпохе?

Более привлекателен для определения бидермейера, на наш взгляд, термин «субтип», предложенный музыковедом Л. Романовой. Она пишет: «С нашей точки зрения, бидермайер представляет собой *субтип новоевропейской культуры эпохи Реставрации*, оригинально соединяющий традиционное и персоналистическое, романтическое и реалистическое мироотношения» (Романова 2011, с. 51). Это интересный взгляд.

Закат бидермейера совпадает с закатом задержавшейся в литературном процессе идиллии. Быть может, высокий бидермейер — художественная гипертрофия жанра идиллии? Никто из ученых не рассматривал высокий бидермейер как жанровый резонанс, усиление и (пародийное) искажение идиллии, диффузию идиллии с другими жанрами. Это повышает уровень актуальности настоящего исследования. Немецкая идиллия — сильнейший жанр на разных этапах своего развития (Bürgerliche Idylle 1975; Idyllen der Deutschen. Texte und Illustrationen 1978).

3. Жанр на стадиях поэтики: канонический характер идиллии

Жанр формируется и переживает изменения на трех этапах развития словесности в освещении исторической поэтики. Хронологические стадии, выделенные исследователями с учетом большого времени, в котором протекает медленное формирование эстетического объекта и его форм, определяют и жанровое созревание и развитие. А. Н. Веселовский выделял эпохи синкретизма и личного творчества, Ю. М. Лотман называл эти эпохи «эстетикой тождества» и «эстетикой противопоставления». После работ Э. Курциуса была принята трехчастная периодизация.

Первая, архаическая стадия развития поэтики не поддается точной датировке, она начинается в то время, когда нехудожественные и потенциальные художественные элементы живут в одном комплексе. В эпоху синкретизма (А. Н. Веселовский), или дорефлективного традиционализма (С. С. Аверинцев (см.: Аверинцев 1986), или мифопоэтическую эпоху (О. М. Фрейденберг) жанры только начинают формиро-



ваться, образуясь из речевых (М. М. Бахтин) и ритуальных жанров (Бахтин 1975). Веселовский утверждал, что форма проявляет себя в виде неизменных элементов, а содержание, как пишет О. М. Фрейденберг, пересказывая его работы, «подвижно, и вечно меняется», вливаясь в старые формы. «...новых форм нет, своеобразие — это сочетание новых содержаний с видоизмененными традиционными формами» (Фрейденберг 1997, с. 17). Поэтический словарь, стилистические приемы, символика, сюжетные схемы, образы — постоянные величины, созданные первобытной коллективной психикой, главенствующей над творческой личностью. Генезис их принадлежит доистории (Веселовский 1989). На данном этапе из стремления человека к защищенности формируются базовые эмоциональные установки будущего жанра идиллии.

Вторая эпоха, выделяемая в исторической поэтике, — эпоха рефлексивного традиционализма (С. С. Аверинцев), или эйдетическая поэтика (С. Н. Бройтман) (Бройтман 2001), или эстетика тождества (Ю. М. Лотман). Это время расцвета жанрового мышления. Возникает жесткая жанровая система и жанровая иерархия. Для этого этапа развития литературы важно создание произведений по правилам и образцам, в первую очередь жанровым. Идиллия — влиятельный средний лирический жанр.

В период «антитрадиционализма» (С. С. Аверинцев), «эстетики противопоставления» (Ю. М. Лотман), поэтики художественной модальности (С. Н. Бройтман) начинается жанровая диффузия, размывание жанровых границ (особенно бурная в лирике), возникают новые экспериментальные жанры, происходит замена жанрового канона на внутреннюю меру жанра. Жанр идиллии становится открыт для диффузии с другими. Рождаются неканонические жанры — как новые, так и возникшие из канонических. Канон, по А. Ф. Лосеву (1973), — это воспроизведение некоторого определенного оригинала и образца, оригинал и образец для всевозможных его воспроизведений, даже принцип их художественной оценки. Неканонические жанры, по Н. Д. Тамарченко, «сохраняют свою идентичность и обновляются, ориентируясь на образцы авторского выбора, а не воспроизведение первообраза-эйдоса» (Дарвин и др. 2011, с. 48). В традиционных жанрах инвариантной структурой был жанровый канон. Поставив вопрос о «константных структурах неканонических жанров», Н. Тамарченко вводит понятие «внутренней меры жанра», которая может быть выявлена на основе сравнительного анализа жанровых структур ряда произведений (Тамарченко 2004).

Опираясь на базовые эмоции, растущие из потребности защищенности и возникающие на первой стадии исторической поэтики, идиллия уверенно проходит вторую и еще больше укрепляется на третьей стадии вопреки начавшемуся размыванию жанровых границ. Немецкая идиллия усиливает свои позиции в XVIII веке на базе прочной традиции жанра (Анисимова 2017) и пасторальной топики поэзии XVII века (Синило 2014), русская идиллия переживает прямое влияние немецкой (Быченкова 2000). К рубежу XVIII—XIX веков идиллия становится одним из ведущих жанров литературного процесса.



Идиллия — канонический жанр с историей, идущей с древних времен. Каноническими считаются жанры, структуры которых восходят к определенным «вечным» образцам (Дарвин и др. 2011). Произведения неканонических жанров не ориентируются на готовые, унаследованные образцы художественного целого. Два этих вида жанров — канонические и неканонические — сосуществуют в течение многих веков (неканоническим жанром считается роман, историю которого принято начинать с эллинизма), но до середины XVIII века, как известно, в литературе доминируют именно канонические жанры. Сохраняется представление о том, что жанр — постоянно воспроизводимая система признаков произведения. Примеры канонических жанров: в эпосе — каноническая эпическая поэма, новелла; в лирике — ода, идиллия, элегия, послание; в драме — «классическая», «старая» драма (трагедия, комедия). Примеры неканонических жанров: в эпосе — роман, рассказ; неканоническая поэма; в лирике — отрывок, стихотворение в прозе, стихотворная новелла; в драме — неклассическая драма (Там же, с. 43–52). Канонический жанр обычно опирается на свою долгую историю и гипотетически способен на сильный резонанс. Согласно Ф. Зенгле, существуют определенные «излюбленные» жанры бидермейера 1820–1840-х годов — жанровые картины, зарисовки, очерки и эскизы, однако их появление, несомненно, облучено влиянием на них идиллии (Sengle 1980).

М. М. Бахтин определял жанр как трехмерное целое художественного высказывания. Три измерения — тема (организация внутреннего мира произведения), композиция (структура речевых форм и точек зрения) и стиль (язык). Идиллия характеризуется мотивами безмятежности, оптимистическим решением лирического сюжета, опорой на миф как «сплетение наших душевных процессов» (А. А. Потебня), идиллическими стилевыми клише.

Возможность богатой трансформации каноническая идиллия получает на третьем этапе исторической поэтики — этапе художественной модальности (С. Н. Бройтман). По О. М. Фрейденберг, «поэтика есть наука о закономерности литературных явлений как *явлений общественного сознания*» (1997, с. 12).

4. Анализ идиллической лирики Дросте-Хюльсхофф и Мёрике

В стихотворениях Аннетте Дросте-Хюльсхофф «Чайный столик» (“Der Teetisch”, 1839), «Дом в пустоши» (“Das Haus in der Heide”, 1842), «Степь» (“Die Steppe”, 1842), в лирическом цикле «Церковный год» (“Das geistliche Jahr”), который поэтесса писала с 1820 года более двадцати лет, и во многих других ее произведениях прослеживаются черты бидермейера — безмятежная тональность, внимание к подробностям «малого мира», идиллические мотивы. Обратим здесь внимание на даты, демонстрирующие апогей развития бидермейера.

Даже в своих стихах о смерти, которые должны были быть элегическими, поэтесса передает утешительную интенцию, как происходит, к примеру, в стихотворении «Последние слова»:



LETZTE WORTE

Geliebte, wenn mein Geist geschieden,
So weint mir keine Träne nach;
Denn, wo ich weile, dort ist Frieden,
Dort leuchtet mir ein ew'ger Tag!

Wo aller Erdengram verschwunden,
Soll euer Bild mir nicht vergehn,
Und Linderung für eure Wunden,
Für euern Schmerz will ich erlehn.

Weht nächtlich seine Seraphsflügel
Der Friede uebers Weltenreich,
So denkt nicht mehr an meinen Hügel,
Denn von den Sternen grüss' ich euch!

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Друзья, коль дух меня покинет,
Вы не жалеите обо мне;
Там буду в мире я отныне,
Там мне сияет вечный день!

Где стихнет скорбь земной юдоли,
Не должен образ ваш пропасть,
Успокоенья ран и боли
Хочу я вымолить для вас.

Ночные ангельские крылья
Навеют мир на Божий свет,
Не вспоминайте холм могильный,
Ведь я со звезд вам шлю привет (Немецкая поэзия 2012).

Дросте-Хюльсхофф изображает земную юдоль защищенной с небес ангельскими крыльями, в посмертии она видит сияющий вечный день, пребывание в мире, покое, возможность вымолить для оставшихся на земле успокоение. Лирическая героиня даже в трудный момент излучает блаженное спокойствие. В стихотворении «Проповедник» («Der Prediger») Дросте-Хюльсхофф, описывая проповедника, переходит от нейтральной интонации к восторженной и восхищению. Она, почти ровесница Пушкина, обращается к писательницам Германии и Франции («An die Schriftstellerinnen in Deutschland und Frankreich»), благословляя поклонить колени пред кровью милосердного дарования.

Стихотворение «Жаворонок» (Die Lerche) из лирического цикла «Картины пустоши» наполнено свойственными бидермейеру подробностями описания птицы и ландшафта. Стиль Дросте-Хюльсхофф подчеркивает, на каком высоком уровне находится немецкая поэзия первой половины XIX века:



Hörst du der Nacht gespornten Wächter nicht?
Sein Schrei verzittert mit dem Dämmerlicht,
Und schlummertrunken hebt aus Purpurdecken
Ihr Haupt die Sonne; in das Ätherbecken
Taucht sie die Stirn; man sieht es nicht genau,
Ob Licht sie zünde, oder trink' im Blau.
Glührote Pfeile zucken auf und nieder
Und wecken Taues Blitze, wenn im Flug
Sie streifen durch der Heide braunen Zug.
Da schüttelt auch die Lerche ihr Gefieder,
Des Tages Herold seine Liverei (Droste-Hülshoff 1844, S. 113)

Мотивное поле этого стихотворения нацелено на благоговейное изображение пейзажа. Крик «ночного сторожа» дрожит в сумеречном свете; поднимает свою голову солнце из лиловых одеял, опускает в пространство эфира лоб; точно не видно, то ли свет зажигает, то ли пьет из синевы. Поэтесса наслаждается контекстом, чеканной строкой. Жаворонок поет, привлекая внимание кувшинки, маленькой ивы, горечавки, скрипача-сверчка, вокалистки-мухи, горниста-жука, басиста-пчелы, шмелей с контрабасами, которые сонастраиваются с пробуждающейся природой.

Поэтесса-бидермейерист с удовольствием повторяет идиллические мотивы («мир», «покой», «нежный»), детализированно изображает природу. Весь лирический цикл «Картины пустоши» включает в себя стихотворения с идиллическим хронотопом — ландшафтом, вызывающим ощущение ликования, блаженства, покоя ("Kinder am Ufer", "Die Steppe", "Die Krähen", "Der Heidemann", "Das Haus in der Heide" и др.). Даже стихотворение "Die Jagd" живописует блаженную победу благих сил над хищником. Любимую «пустошь» поэтесса изображает как родной малый мир, дробная картина которого оцельнена бидермейеризмом, любящим взглядом желающей безмятежности лирической героини.

Тяготение Эдуарда Мёрике к идиллии столь же велико. Так, в идиллии «Зимним утром. Перед рассветом» ("An einem Wintermorgen. Vor Sonnenaufgang"), включенной в книгу стихов 1838 года и написанной сверхдлинными строками (признак идиллии), лирический герой Мёрике восхищается «пушистым светом раннего утра», которое светится нежным удовольствием от существования любующегося им человека. Какой мир открывает внутри лирического героя картина прекрасного утра? Он полон волшебства, неги. У Мёрике здесь наблюдается переплетение мифологических и христианских мотивов. Лирический герой ликует в предчувствии звуков пастушьей флейты, «как вокруг яслей той чудесной ночи». Скоро зазвучат радостные песни молодости, окутанные вином. Как видим, признаки идиллии сгущаются до прямых пасторальных мотивов, которые неожиданно сливаются с рождественскими. Душа летит до неба, внутри человека ликует гений. «Гений ликует во мне» ("Der Genius jauchzt in mir!"), — проникновенно пишет Мёрике. Глагол *jauchzen* («ликовать») — высокочастотный для немецкого поэта-бидермейериста и столь редкий у романтиков. Мёрике ис-



пользует мотивы для создания пейзажа, вызывающего ликование читателя. Как Бог, день в прыжке начнет свой королевский полет. Сквозь стихотворение, повторяясь, проходят символы *die Seele* (душа), *der Himmel* (небо), *der Traum* (сон, мечта). Душа человека, любующегося утренним светом, уподобляется кристаллу, в который пока не ударил ни один ложный луч. Эдуард Мёрике — один из наиболее нежных и благодарных Богу за сотворенный мир поэтов. Его идиостиль словно создан для того, чтобы нежить читателя восторгом, лаской, благодарностью.

Идиллия Мёрике облучает другие его лирические стихотворения — его поэтические молитвы и стихотворения с христианскими мотивами (в финале сливающиеся с идиллией, как, например, стихотворение с эпиграфом из апостола Павла «Стихии» (*“Die Elemente”*), начавшееся драматически и завершившееся идиллической разрядкой, в которой жизнь проходит перед человеком, словно сотканная из ночи и ароматов; светлым взглядом он движется вверх, потому что странствует в кристальной ясности), баллады, стихотворения, которые могли родиться элегиями. Возникают оптимистические концовки лирических и балладных сюжетов, идиллические мотивы, ликующая тональность. К примеру, «Веселая гостиница. Баллада для пения за вином» (*“Lustige Wirtshaus, Ballade, beim Weine zu singen”*) озарена идиллическим ликованием, усиленным вином, лишена трагического чудесного элемента, ее персонажи (среди которых пастух) поют и танцуют, играют на цитре, цимбалах, шалмее (*“Ich spiele die Zither, das Hackbrett zum Tanz, Mein Liebster, der spielt die Schalmei”* (Mörike 1838, S. 171)). Баллада полна ликующих восклицаний, исполняемых хором (*“Heida! sa sa! Dein Liebster, der spielt die Schalmei”*). «Сказки о моряке и русалке. Из хора о семи русалках» (*“Schiffer- und Nixen-Märchen. Vom Sieben-Nixen-Chor”*) изображают красивейших персонажей, которыми постоянно восхищается рассказчик, дракон здесь сладко пропевает волшебные звуки, тон повествования, в отличие от ряда жестоких немецких сказок, легкий, задорный, в произведении неустанно прославляется несущая добро детская сказка.

У Мёрике есть и более поздние идиллии — к примеру, «В винограднике» (*“Im Weinberg”*, 1856). В этом стихотворении поэт сочетает идиллику бидермейера с уходящей в глубинный подтекст религиозной темой защищенности человека Богом, восхищения сотворенным миром: мотылек принимает Библию за цветок. Однако большинство проанализированных стихотворений относится ко времени влияния бидермейера.

5. Бидермейер и идиллия: зоны совпадения

Основные черты жанра идиллии в высоком бидермейере не только сохраняются, но и подчеркиваются. Развитие бидермейера завершается пародийными идиллиями. Когда жанр освистывается пародией, это означает смещение жанра в периферию литературного процесса. Ав-



тор теории смещения жанра Ю. Тынянов утверждал: «...жанр *смещается*; перед нами ломаная линия, а не прямая линия его эволюции — и совершается эта эволюция как раз за счет “основных” черт жанра...» (Тынянов 1977, с. 169).

У относящихся (в разной степени) к высокому бидермейеру Аннетте Дросте-Хюльсхофф, Эдуарда Мёрике, Адельберта фон Шамиссо, Фридриха Хальма, Вильгельма Миллера, Йозефа Виктора фон Шеффеля есть общая черта — активный интерес к жанру идиллии в поэзии сразу на начале творческого пути и (или) идиллическому хронотопу или локусу в эпических или драматических произведениях, окрашенность творчества бидермейеризмом.

Почему идиллия в бидермейере отказывается от романтического наполнения? Это связано, во-первых, с некоторым возвращением идиллии к предыдущим стадиям развития — сентиментализму и Просвещению, во-вторых, в желании удержаться от размывания жанровых границ и ассимилирующей идиллию диффузии. Бидермейер хронологически «накладывается» на романтизм и постромантизм, создавая эклектику черт, идущих от Просвещения, сентиментализма, романтизма, постромантизма, но противостоит всем этим явлениям, особенно принципиально — романтизму с его исключительным человеком. Бидермейер существенно отличается от романтизма и не совпадает с ним: вместо безумной любви — любовь семейная, вместо бурных страстей — повседневные переживания, вместо исключительного романтического героя — обыкновенный человек со скромными запросами, покорностью судьбе, чувством меры.

К чертам бидермейера Г.А. Лошакова относит «особое ощущение жизни, которое связано с исторической сутью и бытовым укладом эпохи Реставрации», «ощущение защиты, закрытости от мира и его угроз» (2014, с. 15–16), «усредненность» искавших спокойствие, гармонию и красоту литературных героев, стремление к точному отображению материального мира с различных сторон и под различным углом зрения. А в качестве одной из центральных характеристик Г.А. Лошакова называет изображение ландшафта, «привязанность» (*Landschaftsgebundenheit*) к нему, из которой рождается идиллическое начало (Там же, с. 16), или, по Е.Р. Ивановой, «малый круг бытия» с его дробной картиной и бытовой ценностью вещи (2008). Опозиция «идиллия домашнего очага / внешний социальный мир» решается в пользу безмятежности. Черты как высокого бидермейера, так и идиллии — уход от «мировой скорби» элегии, современных общественных проблем в узкий мир семьи и друзей в деревню на лоно природы, эскапизм, внимание к малому во всем — от примет родной местности до нюансов переживаний. На смену сентиментальности приходит религиозность. Предпочтительны вариации одной темы (Иванова 2013, с. 77–79). Гармония между субъектом и объектом, совмещение внутренних границ «я» с внерольевыми событийными внешними границами в идиллии и идиллике (В.И. Тюпа) не допускает трагизма. Задача бидермейера и идиллии —



гармонизация внутреннего и внешнего на всех уровнях художественного текста. Названные исследователями признаки высокого бидермейера совпадают с жанровыми признаками идиллии. Константой и жанра идиллии, и высокого бидермейера является безмятежная тоналльность и природный локус (или хронотоп) безмятежности. Парадоксальным образом эта константа подразумевает и трагизм, и драматизм, тщательно избегая их. Эстетика эскапизма затем прорывается и позволяет пробиться этим типам эстетического завершения в полнокровном явлении бидермейера.

6. Заключение

Резюмируем результаты наблюдений. Бидермейер, который считали эпохой, направлением, стилем, в его варианте «высокий бидермейер» можно трактовать и принципиально ново — как необычный виток в судьбе жанра идиллии и идиллического модуса. Автор статьи переосмысливает статус этого литературного явления, которое на старте распространяется на часть поэзии. Обладая жанровым канонам, идиллия была способна противостоять романтической жанровой диффузии в первой четверти XIX века, но для этого ей нужно было создать разновидность — идиллию бидермейера, пропитаться бидермейеризмом. Богатые возможности это литературное явление на ранней стадии развития увидело в каноническом жанре немецкой идиллии, который стал одним из истоков высокого бидермейера и затем распространил свое влияние и на другие жанры, в том числе прозаические. Не бидермейер, рождаясь, сужается до идиллии, а идиллия расширяется до высокого бидермейера: возникая в идиллии, через этот жанр он начинает влиять на элегию, стихотворную молитву, балладу, а затем и на прозаические жанры, безусловно, преодолевая идиллию и обретая широкий диапазон модальностей и жанровых стратегий (трагизм, элегизм, драматизм и др.). Возникнув, высокий бидермейер, во-первых, лишает часть корпуса идиллии романтического посыла (концептуально противостоит романтизму и начавшемуся в нем размыванию жанровых границ, удерживая в своей власти канонический жанр идиллии) и содержания (идиллия усиливает сентиментально-мещанскую направленность); во-вторых, задерживает смещение идиллии в периферию литературного процесса, чему способствуют и события в Германии и Австрии. Высокий бидермейер не просто использует жанр идиллии в поэзии, но и изначально совокупностью признаков совпадает с ним. Таким образом, один из истоков высокого бидермейера — это, по всей вероятности, инерция канонического жанра идиллии, его разрастание, диффузия с другими жанрами и облучающее влияние на лирические, эпические и драматические жанры.

В перспективе исследования — дальнейшая разработка поставленной в статье проблемы, анализ немецкой идиллии в контексте высокого бидермейера.



Список источников и литературы

Аверинцев, С. С., 1986. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации. *Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения*. М., с. 104–116. [Averintsev, S. S., 1986. Historical mobility of the genre category: the experience of periodization. In: *Istoricheskaya poetika: itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics: results and prospects of study]. Moscow, pp. 104–116 (in Russ.).]

Аникина, Т. А., 2016. Международный научно-исследовательский семинар «Славянский бидермейер и его европейские контексты». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, 2*, с. 172–174. [Anikina, T. E., International Seminar “Slavic Biedermeier and its European context”. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2, pp. 172–174 (in Russ.)] EDN: XDCDKN, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.216>.

Анисимова, А. Н., 2017. Генезис и развитие жанра идиллии в Германии первой половины XVIII в. (от И. Х. Готтшеда до М. Мендельсона). *Научный диалог*, 2, с. 101–114. [Anisimova, A. N., 2017. The genesis and development of the idyll genre theory in Germany in the first half of the 18th century (from I. H. Gushed to M. Mendelssohn). *Nauchnyy dialog*, 2, pp. 101–114 (in Russ.)] EDN: XYGEGB, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-100-114>.

Бахтин, М. М., 1975. *Вопросы литературы и эстетики*. М. [Bakhtin, M. M., 1975. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow (in Russ.).]

Березина, А. Г., ред., 2005. *История западноевропейской литературы. XIX век: Германия, Австрия, Швейцария: учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений*. СПб.; М. [Berezina, A. G., ed., 2005. *Istoriya zapadnoevropeiskoi literatury. XIX vek: Germaniya, Avstriya, Shveitsariya: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii* [The history of Western European literature. XIX century: Germany, Austria, Switzerland: a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. St. Petersburg; Moscow (in Russ.).]

Берковский, Н. Я., 2001. *Романтизм в Германии*. СПб. [Berkovsky, N. Ya., 2001. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg (in Russ.).]

Бройтман, С. Н., 2001. *Историческая поэтика*. М. [Broitman, S. N., 2001. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow (in Russ.).]

Быченко, С. В., 2000. *Жанр идиллии в русской романтической поэзии первой трети XIX века*: дис. ... канд. филол. наук. М. [Bychenkova, S. V., 2000. *Zhanr idillii v russkoi romanticheskoi poezii pervoi treti XIX veka* [The genre of idyll in Russian romantic poetry of the first third of the 19th century]. PhD Dissertation. Moscow (in Russ.).]

Веселовский, А. Н., 1989. *Историческая поэтика*. М. [Veselovsky, A. N., 1989. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow (in Russ.).]

Дарвин, М. Н., Магомедова, Д. М., Тамарченко, Н. Д., Тюпа, В. И., 2011. *Теория литературных жанров*. Н. Д. Тамарченко, ред. М. [Darwin, M. N., Magomedova, D. M., Tamarchenko, N. D. and Tyupa, V. I., 2011. *Teoriya literaturnykh zhanrov* [Theory of literary genres]. N. D. Tamarchenko, ed. Moscow (in Russ.)] EDN: QWGNLL.

Дмитриева, А., ред., 1986. *История немецкой литературы: в 3 т. Т. 2*. М. [Dmitrieva, A., ed., 1986. *Istoriya nemetskoi literatury: v 3 t. T. 2*. [The history of German literature: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).]

Иванова, Е. Р., 2006. К вопросу о «русском бидермейере». *Филологические науки*, 6, с. 33–38. [Ivanova, E. R., 2006. On the issue of the “Russian Biedermeier”. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 6, pp. 33–38 (in Russ.)] EDN: HVTJCB.

Иванова, Е. Р., 2008. Поэзия А. Дросте-Хюльсхофф в контексте литературы бидермейера. *Вестник Челябинского государственного университета*, 16, с. 74–80.



[Ivanova, E.R., 2008. The poetry of A. Droste-Hulshoff in the context of Biedermeier Literature. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 16, pp. 74–80 (in Russ.)] EDN: MUFRDH.

Иванова, Е.Р., 2009. Традиции литературы «высокого» бидермейера в лирике Й.В. Шеффеля. *Вестник Пермского университета*, 1, с. 55–60. [Ivanova, E.R., 2009. Literary traditions of “high” Biedermeier in J. Sheffel's lyrics. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald], 1, pp. 55–60 (in Russ.)] EDN: JXOQCZ.

Иванова, Е.Р., 2013. Предметный мир в поэзии Эдуарда Мёрике. *Вестник Удмуртского университета*, 4, с. 88–92. [Ivanova, E.R., 2013. The world of things in the poetry of Edward Merike. *Bulletin of Udmurt University*, 4, pp. 88–92 (in Russ.)] EDN: RYDCRV.

Лосев, А.Ф., 1973. О понятии художественного канона. *Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки*. М., с. 6–15. [Losev, A.F., 1973. On the concept of the artistic canon. In: *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki* [The problem of canon in the ancient and medieval art of Asia and Africa]. Moscow, pp. 6–15 (in Russ.)].

Лошакова, Г.А., 2014. Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород. [Loshakova, G.A., 2014. *Khudozhestvennaya proza bidermeiera v Avstrii: zhanry i poetika* [Biedermeier prose in Austria: genres and poetics]. PhD Dissertation. Nizhniy Novgorod (in Russ.)] EDN: VNEAJN.

Михайлов, А.В., 1983. Диалектика литературной эпохи. *Контекст 1982. Литературно-теоретические исследования*. М., с. 99–135 [Mikhailov, A.V., 1983. Dialectics of the literary epoch. In: *Kontekst 1982. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context 1982. Literary and theoretical studies]. Moscow (in Russ.)]

Михайлов, А.В., 1989. Диалектика литературной эпохи. *Переход от романтизма к реализму в литературах Европы*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. [Mikhailov, A.V., 1989. *Dialektika literaturnoi epokhi. Perekhod ot romantizma k realizmu v literaturakh Evropy* [Dialectics of the literary epoch. The transition from romanticism to realism in the literatures of Europe]. PhD thesis. Moscow (in Russ.)] EDN: XFDPKD.

Михайлов, А.В., 1997. Языки культуры. М. [Mikhailov, A.V., 1997. *Yazyki kul'tury* [Cultural languages]. Moscow (in Russ.)] EDN: SUMCQV.

Михайлов, А.В., 2000. Стиль и интонация в немецкой романтической лирике. *Обратный перевод*. М., с. 58–90. [Mikhailov, A.V., 2000. Style and intonation in German romantic lyrics. In: *Obratnyi perevod* [Reverse transfer]. Moscow, pp. 58–90 (in Russ.)] EDN: WTSMDA.

Немецкая поэзия в переводах Елены Зейферт. Композитор и исполнитель Юрий Ваиханский (гитара). Худ. Ханс Винклер. Запись произведена в мае 2012. М. [Nemetskaya poeziya v perevodakh Eleny Zeifert. Kompozitor i ispolnitel' Yurii Vaikhanskii (gitara). Khud. Khans Vinkler. Zapis' proizvedena v mae 2012 [German poetry translated by Elena Seifert. Composer and performer Yuri Vaikhansky (guitar). Artist Hans Winkler. The recording was made in May 2012]. Moscow (in Russ.)].

Полубояринова, Л.В., 1995. «Кроткий закон» А. Штифтера и культура бидермейера. *Литература в контексте художественной культуры*. Вып. 2. А.М. Фурсенко, ред. Новосибирск, с. 39–49. [Poluboyarinnova, L.V., 1995. A. Stifter's “Gentle Law” and Biedermeier culture. In: A.M. Fursenko, ed. *Literatura v kontekste khudozhestvennoi kul'tury* [Literature in the context of artistic culture]. Issue 2. Novosibirsk, pp. 39–49 (in Russ.)].

Полубояринова, Л.Н., 2001. Литература эпохи Реставрации (Германия). Высокий бидермейер. «Предмартовская литература». Литература эпохи Реставрации (Австрия). Швейцария: основные тенденции развития литературы в XIX веке. *История зарубежной литературы XIX века: учебник*. Е.М. Апенко, ред. М., с. 45–74, 373–380, 405–411. [Poluboyarinnova, L.N., 2001. Literature of the Restoration pe-



riod (Germany). The high Biedermeier. "Pre-March literature". Literature of the Restoration period (Austria). Switzerland: the main trends in the development of literature in the 19th century. In: E. M. Apenko, ed. *Istoriya zarubezhnoi literatury XIX veka: uchebnyk* [The history of foreign literature of the 19th century: textbook]. Moscow, pp. 45–74, 373–380, 405–411 (in Russ.).

Полубояринова, Л. Н., Войтех, М., Ярош, И. и др., 2016. *Бидермейер в славянском и европейском контексте*. СПб. [Poluboyarinova, L. N., Voitek, M., Yarosh, I. et al., 2016. *Biedermeier in Slavic and European context*. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: VWJGZV.

Романова, Л. В., 2011. Венский бидермейер и альбом из Гавриловки. *Дискуссия*, 7, с. 49–54. [Romanova, L. V., 2011. Vienna Biedermeier and the album from Gavrillivka. *Diskussiya* [Discussion], 7, pp. 49–54 (in Russ.)] EDN: OWDIHF.

Синило, Г. В., 2014. Пасторальная топика в немецкой мистической поэзии XVII века. *Пастораль вчера, сегодня, завтра*. Т. В. Саскова, ред. М.; Edinburgh, с. 13–23. [Sinilo, G. V., 2014. Pastoral topics in German mystical poetry of the 17th century. In: T. V. Saskova, ed. *Pastoral' vchera, segodnya, zavtra* [The pastoral of yesterday, today, tomorrow]. Moscow; Edinburgh, pp. 13–23 (in Russ.)] EDN: IZSTJJ.

Тамарченко, Н. Д., ред., 2004. *Жанр. Теория литературы: учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений: в 2 т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика*. М., с. 361–408. [Tamarchenko, N. D., ed., 2004. Genre. In: *Teoriya literatury: uchebnoye posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii: v 2 t.* [Theory of literature: a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: in 2 volumes]. Vol. 1: Theory of artistic discourse. Theoretical poetics. Moscow, pp. 361–408 (in Russ.).]

Тарасов, Ю. А., 1990. Бидермайер в немецко-австрийской живописи романтического и послеромантического времени. *Проблемы изобразительного искусства XIX столетия: межвуз. сб. Вып. 4*. Л., с. 69–82. [Tarasov, Yu. A., 1990. Biedermeier in German-Austrian romantic and post-Romantic painting. In: *Problemy izobrazitel'nogo iskusstva XIX stoletiya: mezhdunarodnyi sbornik* [Problems of fine art of the 19th century: interuniversity collection]. Iss. 4. Leningrad, pp. 69–82 (in Russ.)] EDN: SNFPFX.

Тынянов, Ю. Н., 2002. Литературный факт [1977]. *Поэтика. Литературная эволюция. Избранные труды*. М., с. 167–188. [Tynyanov, Yu. N., 2002. A literary fact [1977]. In: *Poetika. Literaturnaya evolyutsiya. Izbrannye trudy* [Poetics. Literary evolution. Selected works]. Moscow, pp. 167–188 (in Russ.).]

Фрейдсберг, О. М., 1997. *Поэтика сюжета и жанра*. М. [Freudenberg, O. M., 1997. *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of plot and genre]. Moscow (in Russ.)] EDN: QZNKEL.

Berkhout, A. P., 1942. *Biedermeier und poetischer Realismus: Stilistische Beobachtungen über Werke von Grillparzer, Mörike, Stifter, Hebbel und Ludwig. Purmerend*.

Bietak, W., 1931. *Das Lebensgefühl des "Biedermeier" in der österreichischen Dichtung*. Wien.

Böschstein-Schäfer, R., 1977. *Idylle*. Stuttgart.

Bürgerliche Idylle. Studien zu einer literarischen Gattung des 18 Jahrhunderts am Beispiel von Johann Heinrich Voß, 1975. Bonn.

Droste-Hülshoff, A., 1844. *Gedichte*. Stuttgart.

Geismeyer, W., 1979. *Biedermeier*. Leipzig.

Idyllen der Deutschen. Texte und Illustrationen, 1978. Frankfurt a/M.

Jansen, J., 1982. *Einführung in die deutsche Literatur des 19. Jahrhunderts*. Opladen. Bd. 1: Restaurationszeit (1815–1848).

Kalthoff-Ptitar, C., 1988. *Annette von Droste-Hülshoff im Kontext ihrer Zeit*. Frankfurt a/M.

Kluckhohn, P., 1974. Biedermeier als literarische Epochenbezeichnung. In: E. Neubuhr, hrsg. *Begriffsbestimmung des literarischen Biedermeier*. Darmstadt, S. 100–145.



- Mayer, M., 2004. Die Idylle, der Boden und der See: Zu hermeneutisch-poetologischen Problemen bei Mörike. In: W. Braungart und R. Simon, hrsg. *Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit*. Tübingen, S. 239 – 254.
- Meyer-Guyer, K., 1977. *Eduard Mörikes Idyllendichtung*. Zürich.
- Mörike, E., 1838. *Gedichte*. Stuttgart.
- Mörike, E., 1846. *Idylle vom Bodensee oder Fischer Martin und die Glockendiebe: in 7 Gesängen*. Stuttgart.
- Neubuhr, E., 1974. *Begriffsbestimmung des literarischen Biedermeier*. Darmstadt.
- Politzer, H., 1972. *Mythos und Psychologie. Das goldene Vliess. Franz Grillparzer oder das abgründige Biedermeier*. Wien; Zürich; München.
- Schneider, H.J., 2004. Vom Zünden der Tradition. Märchen, Idylle und lyrisches Subjekt in Mörikes 'Wald-Idylle'. In: W. Braungart and R. Simon, hrsg. *Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit*. Tübingen, S. 221 – 238.
- Schueler, H.J., 1967. *The German verse epic in the nineteenth and twentieth centuries*. The Hague.
- Sengle, F., 1980. *Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815 – 1848: in 3 Bdn. Bd. 3: Die Dichter*. Stuttgart.
- Titzmann, M., hrsg., 2002. *Zwischen Goethezeit und Realismus: Wandel und Spezifik in der Phase des Biedermeier*. Tübingen.

Об авторе

Елена Ивановна Зейферт, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; ведущий научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-8117-7091

E-mail: seifert.ei@rggu.ru

Для цитирования:

Зейферт Е.И. Роль канонического жанра идиллии в высоком бiedermeiere: к постановке проблемы // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №3. С. 205 – 223. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-13.



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE ROLE OF THE CANONIC GENRE OF THE IDYLL IN HIGH BIEDERMEIER: FORMULATING THE PROBLEM

Elena I. Seifert^{1,2}

¹ Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia

² Moscow State Linguistic University,
1 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia

Submitted on 10.09.2024

Accepted on 15.04.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-13

The article examines high Biedermeier in its rapprochement with the idyll genre based on the poetry of Annette Droste-Hülshoff and Eduard Mörike. The idyll is very influential and active in both poets. Biedermeier, which was considered an era, a trend, a style, in its variety,



'high Biedermeier' at the start can be interpreted in a fundamentally new way – as an unusual turn in the fate of the idyll genre and the idyllic mode. The purpose of the article is to study the idyll as one of the sources of high Biedermeier. This problem is posed for the first time. The research methods are structural-descriptive and historical-typological. The phenomenon of Biedermeier is diverse, and the described character is inherent only to high Biedermeier. In the canonical genre of the German idyll, which spread its influence to other genres, including prose, writers saw a number of possibilities of the Biedermeier. Having begun to develop the idyll in their own way, they led the variety of the genre they created away from the romantic channel. One of the sources of the high Biedermeier is, in all likelihood, the active behaviour of the canonical genre of the idyll, its inertia, expansion, diffusion with other genres and radiating influence on the lyrical, epic and dramatic genres.

Keywords: high Biedermeier, idyll, Biedermeier poet, Annette von Droste-Hülshoff, Eduard Mörike

The author

Dr. Elena I. Seifert, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-8117-7091

E-mail: seifert.ei@rggu.ru

To cite this article:

Seifert, E.I., 2025, The role of the canonic genre of the idyll in high Biedermeier: formulating the problem, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 205–223. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-13.



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))